

Мас. 1043

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМЕТКИ

НОВЫЙ РАЗНАЗЪ А. П. ЧЕХОВА.

А. П. Чеховъ: *Супруга*, рассказъ. Сборникъ Общества Любителей Россійской Словесности Починки.

I.

Это—обыкновенная исторія, исторія о томъ какъ жена измѣнила мужу. Бывало это всегда, „во все время и у всехъ народовъ“, но интересна современная окраска подобныхъ дѣлъ.

Я еще на дняхъ имѣлъ случай высказать что среди такъ-называемаго образованнаго общества почти что уже исчезаетъ типъ женщины религиозной, доброй, любящей, полагающей свое счастье въ любви къ мужу и къ семьѣ.

Такихъ типовъ много давала намъ наша прежняя художественная литература, въ современной же беллетристикѣ подобные типы не встрѣчаются. Какъ ни плохи, за немногими исключеніями, современные беллетристы, какъ ни фальшивы болѣею частью ихъ изображенія, все же предметы изображеній даютъ имъ жизнь: что видятъ, то и описываютъ. И что же мы видимъ въ этихъ изображеніяхъ? Въ большей части современныхъ беллетристическихъ произведеній изображаются женщины возведенія распутство какъ бы уже въ принципъ, видяція въ распутствѣ какъ бы уже нѣкоторый героизмъ. Изъ самыхъ недавнихъ беллетристическихъ произведеній припомнимъ два: *Около дѣвчонки* г. Боборыкина, и *Клавдію Михайловну* г. Потапенко. Въ произведеніи г. Боборыкина (объ этой его повѣсти, если читатели припомнятъ, и говорилъ подробно) выведена женщина исповѣдующая „культъ любви“ и совершенно убѣжденная что во имя этого „культа“ всякое половое распутство не только дозволено, но и представляетъ собою вѣдѣ героическое. Въ повѣсти г. Потапенка выведена женщина-врачъ, увлекающаяся озабоченно медицинскою, эфирною и слободною любовью. И точно такъ же смотрящая на по-

департаменты остановились на по-

ловое распутство какъ на дѣло самое обыкновенное. Г. Потапенко, конечно, видитъ во всемъ этомъ нѣчто прекрасное и прогрессивное, но намъ нѣтъ дѣла до того что онъ видитъ, намъ важны только факты о которыхъ онъ рассказываетъ. Факты же эти свидѣлствуютъ о томъ что его героиня—просто-на-просто распутная женщина, съ развращенною мышлю и съ развращеннымъ воображеніемъ. Возьмись за эту тему, опиши намъ это ссединеніе „науки“ съ распутствомъ такой даровитый писатель какъ г. Чеховъ, мы бы, вѣроятно, получили картину живую, жизненную, правдивую и поучительную; у г. Потапенко никакой картины не вышло, рассказаны только голые факты, представленные въ ложномъ освѣщеніи. Вотъ почему на его повѣсти мы останавливаться не станемъ, хотя она прямо относится къ нашей темѣ.

Въ прекрасно и правдиво записанномъ рассказѣ г. Чехова выведена тоже распутная женщина, которая даже и не находитъ нужнымъ оправдывать чѣмъ-нибудь свое распутство. Она его принимаетъ какъ фактъ и требуетъ чтобы и всѣ относились къ этому факту какъ она сама. Когда ей нужно узнать что у нее есть любовникъ, она сперва пробуетъ заператься, но видя что этого нельзя, совершенно спокойно относится къ „факту“:

„— Я освобождаю тебя отъ необходимости притворяться и лгать, продолжалъ Николай Евграфовичъ (мужъ).—Если любишь этого молодого человѣка, то люби; если хочешь вѣхать къ нему за границу, поезжай. Ты молода, здорова, а я уже калѣва (въ немъ врачи подозреваютъ чахотку), жить мнѣ осталось немного. Словомъ... ты меня понимаешь.“

„(Она была въполнѣ и не могла продолжать. Ольга Дмитриевна, плача, и голосомъ, какимъ говорятъ когда жалѣютъ себя, сознавая что она любитъ Рису и вѣдала съ нимъ кататься за городъ, бывала у него въ номерѣ, и въ самомъ дѣлѣ ей очень хочется теперь поѣхать за границу.“

„— Видишь, я ничего не скрываю, сказала она со злобой.—Вѣдь я сама моя на распутку. И я очень люблю тебя, будь великодушна, дай мнѣ и отъѣздъ.“

гербоваго сбора разчитывается по

щению въ прежнему порядку назна-

лнтръ, причесть глгемическе напнтнн

„— Повторяю: ты свободна.

„Она пересѣла на другое мѣсто, поближе къ нему, чтобы взглянуть на выраженіе его лица. Она не вѣрила ему и хотѣла теперь понять его тайныя мысли. Она никогда никому не вѣрила, и, какъ бы благородны ни были намѣренія, она всегда подозрѣвала въ нихъ мелкія, или низменныя побужденія и эгоистическія цѣли. И когда она пылливо засматривала ему въ лицо, ему показалось что у нея въ глазахъ, какъ у кошки, блеснули зеленый огонекъ.

„— Когда же я получу паспортъ? спросила она тихо.

„Ему вдругъ захотѣлось сказать: „никогда“, но онъ сдержалъ себя и сказалъ:

„— Когда хочешь.

„— Я поѣду только на мѣсяцъ.

„— Ты поѣдешь въ Рису навсегда. Я дамъ тебѣ разводъ, приму вину на себя, и Рису можно будетъ жениться на тебѣ.

„— Но я вовсе не хочу развод! живо сказала Ольга Дмитріевна, дѣлая удивленное лицо. — И не прошу у тебя развода! Дай мнѣ паспортъ, вотъ и все.

„— Но почему же ты не хочешь развода? спросилъ докторъ, начиная раздражаться. — Ты странная женщина. Какая ты странная! Если ты серьезно увлеклась, и онъ тоже любить тебя, то въ нашемъ положеніи вы оба ничего не придумаете лучше брака. И неужели ты еще станешь выбирать между бракомъ и адюльтеромъ?

„— Я понимаю васъ, сказала она, отходя отъ него, и лицо ея приняло злое, мстительное выраженіе. — Я отлично понимаю васъ. Я надѣла вамъ, и вы просто хотите избавиться отъ меня, навязать этотъ разводъ. Благодарю васъ, я не такая дура какъ вы думаете. Развода я не приму и отъ васъ не уйду, не уйду, не уйду! Вопервыхъ, я не желаю терять общественнаго положенія, продолжала она быстро, какъ бы боясь что ей помѣшаютъ говорить, — во вторыхъ, мнѣ уже 27 лѣтъ, а Рису 23; черезъ годъ я ему надѣмъ, и онъ меня броситъ. И втретѣхъ, если хотите знать, я не ручаюсь что это мое увлеченіе можетъ продолжаться долго... Вотъ вамъ! Не уйду я отъ васъ.

„— Такъ я тебя выгону изъ дому! крикнулъ Николай Евграфовичъ и за-

топалъ ногами. — Выгону вотъ, няжя, гнусная женщина!

„— Увидимъ-съ! сказала, она и вышла.“

Какъ во всемъ разказѣ, такъ и въ этой сценѣ авторъ вскрываетъ душу своей героини до самой глубины. — И на дѣлѣ этой души мы видимъ только самодовольшій, такъ — сказать, цинизмъ. И мы чувствуемъ что это правда, а не клевета на душу человѣческую, и насъ ужасаетъ эта жестокая правда. Ужасаетъ она тѣмъ болѣе что во всемъ описаніи г. Чехова, въ высшей степени правдивомъ и живомъ, мы видимъ женщину вообще не исключительную, а совершенно заурядную, какія часто попадаются въ современности. Всевозможныхъ разновидностей этого типа чрезвычайно много, ибо и самый-то типъ сформированъ вліяніями и настроеніями современности.

Въ замѣчательныхъ строчкахъ разказа авторъ даетъ намъ послѣднюю черту, окончательно характеризующую героиню разказа и ярко освѣщающую все дѣло.

Еще не объясненіи съ мужемъ, Ольга Дмитріевна утѣшила разстроилась тѣмъ что потеряла свою сумочку съ пятнадцатью рублями. „Ахъ, я дамъ тебѣ двадцать пять, только замолчи пожалуйста“, сказалъ мужъ. Вслѣдъ за этимъ эпизодомъ произошло объясненіе. И вотъ на другой день —

„Когда, въ одиннадцать часовъ, онъ надѣвалъ спортивную рубашку въ болонку, въ кабинетъ вошла горничная.

„— Что вамъ? спросилъ онъ.

„— Барыня встала и проситъ двадцать пять рублей что вы давеча обѣщали.“

Совершенно очевиднымъ становится чѣмъ кончится дѣло. Безъ сомнѣнія, Ольга Дмитріевна получитъ все чего желала: и паспортъ, и деньги, которыя будетъ проживать со своими любовниками...

II.

Въ чемъ же дѣло? Или этотъ мужъ такой ужъ безхарактерный человекъ? Пусть такъ. Но вѣдь и самая безхарактерность человека направляется тѣми или иными его мыслями, его мировоззрѣніемъ, его настроеніями. Безъ

характерный человекъ, конечно, могъ бы уступать при всякихъ мысляхъ, единственно по слабости, но тогда онъ такъ бы и зналъ что уступилъ по слабости. Въ разказѣ же г. Чехова мы видимъ совершенно иное. Потому, послѣ восклицанія: „я тебя выгону изъ дома“, мужъ, выведенный у г. Чехова, быть-можетъ уступаетъ по слабости, но раньше онъ уступаетъ совершенно сознательно, въ видѣ своего „просвѣщеннаго“ и „прогрессивнаго“ образа мыслей. Конечно, весь этотъ „образъ мыслей“ поднять нѣтъ на улицѣ, это не „мысли“ въ настоящемъ смыслѣ слова, а ходячая монета на рынкѣ современности, но такъ какъ нѣкоторые *свои* мысли у современнаго „интеллигента“ вѣтъ, то нѣтъ, да же и въ важныхъ случаяхъ жизни, управляютъ эти понятны на улицѣ слова и фразы. Въ этомъ все дѣло. Очевидно что мужъ выведенный въ разказѣ г. Чехова просто поднялъ на улицѣ ходячіе взгляды о такъ-называемой свободѣ чувствъ и совершенно подчинился этимъ взглядамъ, не разобравъ въ чемъ дѣло. Отсюда все его поведеніе. Но еслибъ у него была способность мыслить самостоятельно, еслибъ онъ надумался въ дѣло, то онъ бы что-то есть что-то не такое, какое-то недоразумѣніе. Недоразумѣніе это очень ясное, и не трудно его заставить. Все дѣло въ томъ что сдѣланы чувства съ чувственностью, и, проповѣдуя что нельзя насиловать чувства, въ сущности проповѣдывали что нельзя насиловать чувственности, что нельзя насиловать плотскихъ страстей, а надо уступать ихъ дѣйствію и подчиняться имъ. Чувство любви очень высокое чувство и требуетъ для себя высокой формы выраженія. Эту форму выраженія она находитъ въ бракѣ; для чувственности, для страстей, не нужно высокой формы выраженія. И вотъ уже у Морятъ-Залды мы видимъ проповѣдь не свободы чувства, а свободы чувственности, свободы страстей.

Люди болѣе толковые изъ санитъ проповѣдываютъ „свободу чувствъ“ совершенно это понимаютъ, и такъ прямо и говорятъ что нельзя сдѣлать дѣла безъ любви, такъ прямо и говорятъ о разбѣжкахъ любви. И такъ какъ для толковыхъ людей мужъ выведенный въ разказѣ г. Чехова, конечно, „свободенъ“ есть осмысленный и настроенно-сознанный, то онъ

< И. И. Губарук - Огюк >